ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 25.09.2026 | Кристофер Форст

Что такое нейтралитет?

Швейцария намерена закрепить свое понимание нейтралитета в конституции. Но это может ограничить ее внешнеполитические возможности.

Тот, кто в эти дни прогуливается по Цюриху, Женеве или Лугано, не может не заметить плакаты сторонников «да». Листовки в духе Джона Леннона призывают: «Give Peace a Chance» («Дайте миру шанс»). Это звучит безобидно, но речь идет о кампании с четкой целью: Швейцария должна закрепить свое понимание нейтралитета в конституции – строго, безоговорочно, без исключений.

В центре дебатов находится особый швейцарский случай, имеющий общеевропейское значение. Швейцарию часто считают самой нейтральной страной в мире, и она действительно является старейшим государством в Европе, сохраняющим постоянный нейтралитет. В 1815 году великие державы на Венском конгрессе признали ее вечный нейтралитет, а в 1848-м он был закреплен в Федеральной конституции.

Однако инициатива о нейтралитете, вынесенная сейчас на голосование, не сделает Швейцарию более нейтральной. Она ограничит ее свободу действий в области внешней политики и политики безопасности и тем самым ослабит именно то сотрудничество и тот авторитет, на которых сегодня основан швейцарский нейтралитет. Нейтралитет – это узкое юридическое понятие. Гаагская конвенция 1907 года определяет три обязательства –сдержанность, беспристрастность, предотвращение – причем исключительно в период межгосударственной войны. Экспорт оружия и военных технологий должен рассматриваться одинаково для обеих сторон, территориальная целостность подлежит защите, военная поддержка исключается. Санкции, экономические отношения, дипломатия, права человека, напротив, никогда не были предметом права нейтралитета. Право нейтралитета носит военный характер и является жестким, тогда как политика нейтралитета гибка и поддается формированию.

Сегодня эта конвенция практически не применяется. В 1907 году

каждое государство еще имело право вести войну; равное отношение ко всем сторонам конфликта казалось более логичным. В 1945 году Устав ООН запретил агрессивные и насильственные войны. Тогда еще не знали ни о гибридных атаках, ни о кибератаках, ни об оружии массового уничтожения. Но обещание конвенции – тот, кто не вмешивается, не подвергается нападению – многократно нарушалось. Швейцария осталась нетронутой не только потому, что была нейтральной, но и потому, что создавала военное сдерживание, оставалась полезной в экономическом плане и вела дела с обеими сторонами.

Тем не менее миф о том, что нейтралитет и безопасность идут рука об руку, глубоко укоренился в политической культуре. Впрочем, для европейских партнеров он имеет свои преимущества: нейтральные государства могут оказывать ценные услуги и разумно дополнять систему безопасности, особенно с точки зрения сторон, стремящихся к сотрудничеству.

Нейтральные государства могут оказывать ценные услуги и разумно дополнять систему безопасности, особенно с точки зрения сторон, стремящихся к сотрудничеству

Во время холодной войны Швейцария считалась страной западного лагеря и в то же время придерживалась самого строгого в мире понимания нейтралитета – до 2002 года она даже не вступала в ООН. Однако в 1991 году последовали экономические санкции против Ирака, а в 1993-м был опубликован правительственный доклад, который дополнил это понимание концепцией «безопасности через сотрудничество» и солидарности через содействие миру. В то же время было указано, что Гаагская конвенция не требует общего равного обращения и оставляет пространство для маневра в экономических отношениях. Правопопулистская Швейцарская народная партия (SVP) отвергла этот курс, но не смогла его изменить.

На этом фоне появляется инициатива о нейтралитете 2026 года. В первую очередь она представляет собой ответ SVP на введение санкций ЕС против России после начала агрессивной войны против Украины. Ее цель – закрепить в статье 54a конституции, что нейтралитет является «вечным и вооруженным», что сотрудничество с военными и оборонными альянсами, такими как НАТО, должно ограничиваться случаями нападения, а любые

невоенные принудительные меры против воюющих государств должны быть исключены. Таким образом, участие в санкциях стало бы невозможным. Исключения предусмотрены только для существующих обязательств в рамках ООН и для предотвращения обхода санкций через Швейцарию. Предполагается усилить роль страны как посредника – как это будет работать на практике, пока остается неясным.

К перспективам успеха санкций можно относиться как угодно. Но исключение их в качестве инструмента подозрительно мало напоминает мирную инициативу. С этим согласуется то, что ветерану Швейцарской народной партии (SVP) и соавтору инициативы Кристофу Блохеру приписывают экономические интересы в торговле с Россией. Общеэкономическая выгода от запрета на санкции спорна, а риск высок: если Швейцария не поддержит санкции в столь резонансном случае, она нанесет ущерб своей репутации среди ближайших торговых партнеров. И наоборот, присоединение к санкциям ЕС, вероятно, просто отвечало деловым интересам Швейцарии – но речь шла также о международном праве, международном порядке и безопасности в Европе.

Эта инициатива сужает пространство для маневра именно там, где Швейцарии оно нужнее всего. Требование сотрудничать с альянсами только в случае нападения ставит под угрозу не только совместные учения и миротворческие миссии, но и соглашения о закупках вооружений, а также обмен оперативной информацией. Тот, кто объединяется только тогда, когда нападение уже началось, действует неосторожно и становится зависимым от доброй воли дружественных государств. Суверенитет сегодня не означает, что никто не нужен. Он означает отсутствие зависимости от других в решающий момент. Именно этому препятствует данная инициатива.

Самым весомым аргументом, однако, является репутация. Как место проведения переговоров, посредник и штаб-квартира многосторонних организаций Швейцария зависит от доверия обеих сторон. Брюссель выражает соответствующую озабоченность: превращение Швейцарии в убежище для российских бизнесменов, подпадающих под санкции, так же мало отвечает интересам ЕС, как и прекращение обмена военной информацией; под угрозой окажутся также двусторонние договоры с ЕС. А явная поддержка со стороны российского МИД не является признаком сбалансированности: когда ближайшие партнеры предупреждают, а агрессор ликует, это ослабляет посредническую роль. Федеральный совет и парламент отвергают эту инициативу. Это проект одной крупной партии, которая преподносит голосование «за» как «да» нейтралитету –

как будто в случае голосования «против» Швейцария перестанет быть нейтральной. Она останется нейтральной. Просто более склонной к сотрудничеству.

Швейцария является нейтральной страной, и именно поэтому она может выступать за укрепление мира, права человека и международное право

Именно в этом направлении развивается швейцарский нейтралитет на протяжении многих лет. Еще в 2003 году Мишлин Кальми-Рей, будучи министром иностранных дел, ввела термин «активный нейтралитет», а нынешний министр Иньяцио Кассис в 2022 году говорил о «кооперативном нейтралитете»: Швейцария является нейтральной страной, и именно поэтому она может выступать за укрепление мира, права человека и международное право. Практика уже много лет движется в этом направлении – например, в рамках инициативыEuropean Sky Shield 2024 года, соглашений о миротворческих миссиях ЕС и расширения сотрудничества в области вооружений. Все это, как уточнила также верховный представитель ЕС по иностранным делам Каллас, не противоречит швейцарскому нейтралитету.

Никто не знает, какие угрозы будут стоять перед Европой через десять или двадцать лет. Но известно одно: будучи небольшой страной, Швейцария, несмотря на свой значительный военный бюджет, имеет ограниченные возможности. Она зависит от сотрудничества, международных организаций и своей репутации нейтрального игрока. С военной точки зрения суверенный путь сопряжен с риском. Тем важнее доверие, накопленное на протяжении столетий, особенно со стороны европейских соседей, на которых она будет полагаться в случае чрезвычайной ситуации. Ей следует бережно относиться к этому доверию.

Нейтралитет и невмешательство – это разные вещи во времена агрессивной войны. Санкции – это не военная поддержка, эмбарго – это не участие в войне. Нейтралитет требует сдержанности в военном плане, но не безразличия в политическом. Именно об этой границе идет речь в Швейцарии – и во всей Европе, где нейтральные или не входящие в альянсы государства стоят перед тем же вопросом.

Результаты опросов однозначны: по последним данным, лишь чуть

более 30 процентов швейцарцев намеревались проголосовать «за». Тем не менее дискуссия будет продолжаться. Уже в следующем году, вероятно, состоится голосование по вопросу об ослаблении ограничений на экспорт оружия – и как раз Швейцарская народная партия (SVP) намерена упростить этот экспорт. Это показывает, о чем на самом деле идет речь: о коммерческих интересах, а не о принципах.

Поэтому важнее любой инициативы было бы иметь четкое видение швейцарской внешней политики. Европе нужна многосторонняя Женева так же, как и активная, нейтральная Швейцария, предлагающая свои добрые услуги – особенно сейчас, когда пространства, свободные от конфронтации, становятся редкостью.

Дилемма реальна: Россия неоднократно отказывалась от Швейцарии как места переговоров и прямо ставила под сомнение ее нейтралитет. Но предложенная альтернатива оттолкнула бы ближайших партнеров. Швейцария может предлагать услуги посредника, одновременно поддерживая санкции – это показали трехсторонние переговоры между США, Украиной и Россией в феврале 2026 года.

В конечном итоге важно поддерживать контакт со сторонами конфликта, предпринимать дипломатические инициативы, оказывать добрые услуги и использовать свободу выбора союзников – но при этом четко отстаивать нормы международного права и права человека. Нейтралитет – это не состояние, а практика: его нужно заново подтверждать каждый день, оставаясь убедительным для обеих сторон. Тот, кто превращает его в формулу, теряет именно ту гибкость, которая делает его возможным.



Кристофер Форст
Киев

Кристофер Форст (Christopher Forst) возглавляет Женевское представительство Фонда им. Фридриха Эберта при ООН. Ранее он, в частности, был представителем Фонда по Беларуси, а также руководителем Регионального офиса «Диалог Восточная Европа» в

Киеве.

